

А.Т.Айсин

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МЕЖДУ ФОРМАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ И РЕАЛЬНЫМИ СПОСОБНОСТЯМИ: ПРОБЛЕМА МНОЖЕСТВЕННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Ключевые слова: гетеротопия, политическое представительство, космополис, множество

Достижение социальной справедливости в современном обществе затрудняется тем, что люди зачастую не в состоянии проявить свою способность к самореализации, следствием чего становится неравенство возможностей для осуществления формально гарантированных всем прав¹. Противоречие между формальными правами и реальными возможностями составляет предмет множества теоретических дискуссий.

Один из наиболее фундаментальных подходов к этой проблеме, учитывающий тенденции развития общества в условиях нарастающей социальной инклюзии и глобальной экономической интеграции, был сформулирован Кваме Аппиа. Аппиа предлагает изменить наши представления о себе и «других», рассматривая единое этически нейтральное пространство *космополиса*. По его мнению, такая логика политического общения позволит преодолеть сложившиеся практики исключения и обеспечить гармоничное и справедливое сосуществование людей вне зависимости от их установок².

Необходимо, однако, заметить, что позиция Аппиа если не игнорирует, то радикально редуцирует сложность и многоаспектность современного мира. Очевидно, что погрузиться во все культурные контексты заведомо невозможно³. Это означает, что человек всегда должен учитывать опыт других людей. То есть речь может идти об определенном делегировании, основанном на доверии. Иными словами, даже в космополисе не обойтись без некоего варианта *политического представительства*.

Пространство представительства должно быть нейтральным к своеобразию людей, i.e. допускать возможность каждого вступать в доверительные отношения в зависимости от собственных интересов, а не подчинять свою жизнь интересам группы. Путь к решению этой проблемы открывает категория сообщества, отражающая особую, тесную связь между людьми⁴.

Категория сообщества является наиболее разработанным в теоретическом плане конструктом, позволяющим совместить подчинение легитимному авторитету государства с моральной автономией индивида⁵.

¹ См. Sen 1985; Nussbaum 2003; Sen 2004.

² Appiah 2006, 2008.

³ О дилеммативной модели политического включения см. Benhabib 2004.

⁴ См. Макинтайр 2000; Тэйлор 2013.

⁵ См. Кимлика 2010.

Любой индивид формируется в рамках определенного сообщества, говорит на определенном языке. Вместе с тем сложившаяся структура сообщества может помешать человеку реализовать свои способности. Отсюда следует, что нейтральное к физическому своеобразию людей пространство требует определенного типа политической субъективности. Подобного рода субъективность, в свою очередь, предполагает образование *множества*.

Понятие множества известно со времен Томаса Гоббса и Бенедикта Спинозы. Для этих мыслителей множество, или *multitude*, — это форма организации, характерная для естественного состояния. В ситуации множества нет никакой властной инстанции, частным случаем которой выступает общественный договор. Возвращение дискуссий о множестве связано в первую очередь с постопераизмом. Как указывает Паоло Вирно, операизм — это ответвление критической теории, рассматривающей проблематику отчуждения труда в условиях конвейерного производства (фордизма)⁶. Теоретики постопераизма утверждают, что любая фордистская, конвейерная система содержит в себе элементы капиталистической логики, то есть логики угнетения и подчинения. Напротив, постопераизм — это поиск моделей самоорганизации, лишенных эксплуатирующих свойств фордистского капитализма. В этом смысле множество как *внегосударственная* форма организации общества есть попытка концептуализации данного подхода.

Наша гипотеза заключается в том, что множество есть форма *пространственной* организации политического представительства, а не самого общества. Для тестирования этой гипотезы необходимо исследовать логику функционирования политического представительства в демократических обществах, обнажив сложившиеся в них структуры. Руководствуясь постструктуралистским подходом, мы попытаемся выйти за пределы выявленных структур. Для этого мы рассмотрим пространственную организацию политического представительства, охарактеризуем множественное представительство, а также пространство представительства и проанализируем гетеротопию как пространство множественного представительства.

Пространственная организация политического представительства

Политическое представительство в современных демократиях находит пространственное выражение в парламентах. Как подчеркивает Филип Манов, нет убедительных оснований полагать отсутствие связи между демократическим представительством и формой зала, где заседает парламент: «центральный тезис... состоит в том, что современная демократия не *постметафизична*, а *неометафизична*»⁷. В сущности, форма парламентского зала заседаний есть не что иное, как отражение пространственной организации политического представительства.

По мнению Манова, национальной республике соответствует лишь форма полукруга⁸, которая обеспечивает определенную степень внутреннего единства и вместе с тем указывает на наличие некоего центра.

⁶ Вирно 2013.

⁷ Манов 2014: 12.

⁸ Там же: 53.

Изначально помещения парламентов были прямоугольными. Согласно Манову, такая форма свойственна монархии, поскольку отражает четко выраженную иерархию. Отсюда же проистекает деление на «левых» и «правых». Оно возможно именно при наличии монархического центра, иначе сложно установить, где находится лево, а где — право.

⁹ Там же: 37.

Во времена первых парламентов центр символически указывал на короля — сначала в лице самого монарха, позднее — в виде картины с его изображением⁹. Причем присутствие символического короля в парламенте давало его членам легитимное право бороться с королем физическим. Подобная теология однозначно указывает на преемственность центра в полукруглой «архитектонике» республиканских парламентов. Тот факт, что вместо короля с его трибуны может выступить любой народный представитель, меняет ритуал отправления власти, но сохраняет стержневую композицию, образованную молчаливым полукругом и говорящим центром.

¹⁰ О деконструкции см. Деррида 2000.

В логике деконструкции Жака Деррида здесь нетрудно проследить тавтологический *центроцентризм*, когда наличие иерархического центра сразу в нескольких плоскостях *угнетает* сложившуюся периферию¹⁰. Голосу противостоит молчание (фоноцентризм), стоящему выступающему — сидящие депутаты (фаллоцентризм). Наконец, говорящий артикулирует идеи, которые пассивное большинство может путем голосования либо принять, либо отвергнуть. Его представители не всегда способны (и не всегда имеют возможность) публично выразить собственные потребности (логоцентризм). Следует также отметить, что сакральный статус центра, восходящий к образу короля, контрастирует со статусом депутатских мест, в принципе лишенных сакральности (теоцентризм). Ценность депутатского места определяется его гомогенной идентичностью всем остальным депутатским местам, чего нельзя сказать о месте в центре.

¹¹ О модели космополиса см. Сойя 2003; Сассен 2005.

Критика парламентаризма как представительной формы состоит в том, что в условиях единого глобального города все граждане будут вовлечены в политическую активность. Проект космополиса предполагает тотальное участие всех граждан. Политическое пространство космополиса — это все обжитое пространство, а не только отдельное здание, в котором заседают парламентарии. В этом заключается универсалистский пафос космополиса¹¹.

¹² Derrida 1997.

¹³ Appiah 2006.

В этой логике *центроцентризм* республиканской политической модели оказывается квинтэссенцией различных видов символического угнетения, а значит, возможна его деконструкция и нахождение такой модели, которая была бы лишена подобных качеств. Модель космополиса, учитывающая этические требования мультикультурализма, сторонником которого являлся Деррида¹², и космополитизма как развития его идей¹³, должна выдерживать тест на деконструкцию.

Фоноцентризм, примат голоса над слухом, указывает на необходимость многоголосия, или *полифонии*. Полифония по Михаилу Бахтину — это диалог, предполагающий независимость персонажа

¹⁴ Бахтин 1929. от авторской позиции¹⁴. Но возможно ли такое распределение ролей в здании парламента? Сохраняя пространственную логику рассуждения, автором следует считать не *суверенный* народ, сформировавший парламента, а *гомогенный* народ, который образован путем созыва парламента. Его сущность — это наличие центра полукруга, где говорящий обладает монопольным правом на голос.

Любой человек, знакомый с интернетом, наверное, сталкивался с организацией коллективных диалогов в форме конференций, чатов или форумов. Рано или поздно на таких площадках образуются особые ответвления с «флудом» (от англ. flood — потоп), то есть нетематическими выступлениями. Каждый участник обсуждения обладает ровно такими же правами, что и все остальные (за исключением создателей площадки, которые могут удалять этически некорректные сообщения), но при этом некоторые дискуссии получают развитие, а некоторые — нет. На наш взгляд, подобный формат и есть проявление полифонии, когда стирается не только примат голоса над слухом, но и примат голоса над письмом. Каждый участник волен сам выбирать, на что реагировать.

Проблему примата стоящего парламентария над сидящим (фаллоцентризм) интуитивно хочется решить, предложив всем сидящим встать либо обязав всех сидеть. Однако игнорирование различия ведет лишь к его неартикулированности, а не к исчезновению. Решение заключается в том, чтобы обеспечить каждому парламентария такие средства пространственной ориентации, которые единственные имели бы публичное признание. Например, в современном мире личный автомобиль в известной мере превратился в атрибут *гражданства*, обеспечивающий особую связь между индивидом и государством. Так, пробки в Москве стали одним из поводов для отставки (ввиду «утраты доверия») некогда всемогущего мэра. Показательно также, что в стране повальной автомобилизации, США, водительское удостоверение в большинстве случаев заменяет внутренний паспорт. То есть речь может идти о способности каждого самостоятельно передвигаться в пространстве космополиса.

Наконец, проблема логоцентризма может быть решена либо по аналогии с фаллоцентризмом (i.e. посредством игнорирования в публичной сфере определенных типов различий), либо путем частичной инклюзии тех, кто склонен манкировать общественной жизнью и потому не может быть признан полноценным гражданином¹⁵. При этом само по себе наличие таковых есть по природе своей не политическая, а психологическая проблема, а значит, претензия космополиса на ее решение, даже будь она заявлена, была бы мимо цели.

Космополис — это возможная *форма* пространственной организации политического представительства. И здесь неизбежно встает вопрос об адекватном ему *содержании*.

¹⁵ То есть тех, кого в античности называли идиотами (от др.-греч. ἰδιότης — частное лицо).

**Множественное
представительство**

¹⁶ Паноптикон — идеальная тюрьма с одним стражником, находящимся в башне в центре сооружения.

¹⁷ Делез 2004: 226.

¹⁸ Этот термин Делёз, по-видимому, заимствует у Поля Вирилио (см. Virilio 1986).

¹⁹ Фуко 2011: 86—132.

²⁰ Делез 2004: 228.

²¹ Там же: 227.

Логика Паноптикона Иеремии Бентама¹⁶ подразумевала наличие некоего центра. Этот центр обеспечивал четкую пространственную иерархию, которая определялась дисциплинарными практиками. По мнению Жюль Делёза, подобная организация общественного пространства, при которой индивид лишь «непрерывно переходит от одного закрытого пространства к другому»¹⁷, была характерна для эпохи от Наполеона до конца Второй мировой войны. Сегодня, считает он, она переживает кризис ввиду формирования отношений нового типа, базирующихся на открытых системах непрерывного взаимодействия субъектов.

В качестве примера такого типа отношений Делёз приводит ситуацию с заработной платой, усложнение и дифференциацию последней. Мультиmodalность заработной платы не свойственна дисциплинарным обществам, но свойственна обществам контроля¹⁸.

Общества контроля — это лишённые политического субстрата технологии воспроизводства субъективности, использующие разнообразные методики пространственного расположения. В таких обществах на место политики приходит то, что Вирилио называет логистикой — управлением скоростью, которая является ключевой характеристикой современного общества.

Если при управлении населением использовалась модель мануфактуры¹⁹, а позднее — завода, то для управления скоростью более адекватна модель корпорации. «Корпорация постоянно подает личное соперничество как самую здоровую форму мотивации, как самый сильный импульс»²⁰. В случае корпорации происходит индивидуальная кодировка долга как антитеза упорядочиванию заключенных. В логике упорядочивания капиталист осуществлял централизованное производство. Кодировка же нацелена на управление стоками (скажем, банковскими ячейками) и потоками (в частности, денежными средствами). Если раньше производство искусства, например картина, было «заперто» внутри частной или общественной галереи, то теперь оно запирается — уже без кавычек — внутри банковской ячейки, где ему гарантируется сохранность (впрочем, довольно условная, если вспомнить судьбу гностического Евангелия от Иуды). Производство искусства существует где-то там как набор сравнительно автономных качеств: физических (изображение), экономических (денежные средства на счете) и культурных (статья в Википедии).

В целом, как отмечает Делёз, «пространства изоляции представляют собой матрицы, отдельные модули, а контроль является модуляцией, это деформирующий самого себя модуль, постоянно меняющийся, каждое мгновение, словно сито, отверстия в котором постоянно меняют свое расположение»²¹. В этом смысле общества контроля есть не преодоление, а развитие (или усугубление) дисциплинарных практик.

Для Делёза вызов обществ контроля — это в первую очередь вызов для профсоюзов, которым приходится учитывать новый контекст борьбы, а также для молодых интеллектуалов, увидевших в непрерывном образовании соблазнительную форму эскапизма. Равно как прогрессивные

лидеры Нового времени вроде Петра I видели в дисциплинарных механизмах полиции способ построения идеального государства, millennia-лы видят в вовлечении в так называемый *edutainment* форму творческого развития. Ветеран мая 1968 г. Делёз не без иронии прогнозирует, что «им еще предстоит узнать, кому они будут служить, подобно тому как их предки — не без труда — узнали о подлинной цели дисциплинарных обществ»²².

²² Там же: 233.

Получается, что групповое отстаивание интересов сохраняет для Делёза свою значимость. В отличие от Вирно, рассматривавшего наступление Новейшего (*contemporary*) времени как «окно возможностей» для мировой революции²³, Делёз полагает Новейшее время не антиподом, но продолжением Нового (*modern*). Борьба для него вовсе не обязательно эквивалентна революции — это множество столкновений, а не столкновение множеств.

²³ Вирно 2013: 122–146.

В связи с этим Делёз обращает внимание на возникновение новой формы субъективности, характерной именно для Новейшего времени. Компьютер, прошедший тест Алана Тьюринга, уже не воспринимается человеком как машина — это *живой* собеседник. Компьютер «отслеживает местонахождение каждого» и таким образом «осуществляет глобальную модуляцию»²⁴. На месте надзирателя, располагавшегося в центре Паноптикона, больше нет никого, вернее, нет человека. Там теперь находится машина, которой препоручается все больше и больше функций. Но компьютер — это форма *объективности*, а не *субъективности*. Появление компьютера — это вызов для человеческого общения как уникальной особенности людей, а не формула нового типа субъекта. В этом смысле субъективность, которая становится возможной благодаря компьютеру, — это не субъективность самого компьютера, а реакция коллектива людей на него.

²⁴ Делёз 2004: 232.

Если условный политический центр занят машиной, то борьба с ней есть новая форма луддизма, обреченная на провал. В этих условиях происходит формирование автономного движения (или Движения), ориентированного само на себя, то есть движения по кругу. И здесь невольно возникает аналогия с известной мыслью Жака Лакана: желать — значит испытывать желание, бесконечно двигаться вокруг источника желаемого, подсознательно избегая окончательного его достижения²⁵.

²⁵ О желании другого см. Дьяков 2010: 96.

Эта идея была развита Славоем Жижекком, согласно которому ключевой характеристикой политического субъекта выступает *нехватка* (термин позаимствован у Лакана)²⁶. На разных этапах нехватка отсылала к разным формам депривации²⁷, но принципиальна связь между ней и желанием. Субъект конституируется вокруг желания — желания, которое не может быть полностью удовлетворено. Но невозможность окончательного удовлетворения не означает невозможности репрезентации этого желания, его представительства.

²⁶ Жижек 2014: 14.

²⁷ Evans 1996: 98.

Движение по кругу, движение *в обход* центра, *движение*, а не сидение — вот необходимая форма политического представительства. Причем такое представительство непременно примет форму множества,

ведь оно по определению лишено центра. Напрашивается парадоксальный вывод, что множество есть форма (пост)политической, а не догосударственной организации. Выходит, что множество есть форма организации *представителей*, а не *представляемых*. Но какое пространство нужно подобному множественному представительству?

Пространство представительства

²⁸ Манов 2014: 54.

Фигурирующий в «Звездных войнах» и многих других научно-фантастических фильмах образ полного круга Межгалактического сената не нашел применения в реальности. Между тем, по мнению Манова, круглая форма приводит к утрате центра²⁸ — что как раз и требуется для космополиса.

Одним из примеров круглой формы является Паноптикон. Таким образом, можно утверждать, что форма Паноптикона учитывает физическое своеобразие людей путем их игнорирования. Важной становится внутренняя способность ощущать поднадзорность.

Второе дыхание конструкции Паноптикона дал Мишель Фуко, переосмыслив его в качестве метафоры дисциплинарных механизмов, пронизывающих современное общество. Стражник в Паноптиконе, который может обзирать всю тюрьму (но только одну ячейку за раз), символизирует для Фуко внутреннего цензора, «живущего» в каждом индивиде: человек боится вести себя неправоммерно, поскольку постоянно *ощущает* присутствие незримого наблюдателя, осуществляющего надзор²⁹.

²⁹ Фуко 2015: 243–255.

В логике Фуко властные дисциплинарные механизмы полностью заменяют политическую структуру общества. Справедливость данного заключения можно подвергнуть сомнению, но для этого нужно сначала рассмотреть фукольдианскую теорию особых мест, или гетеротопий.

Согласно Фуко, в древней космологической теории было три способа организации пространства, или, в его терминологии, три *местоположения* (site): наднебесное, небесное и земное. В этой ситуации некоторые местоположения функционировали для исключения, а другие — для природной гармонии. Фуко приписывает подобную иерархию пространства Средним векам и называет ее *пространством локализации*³⁰.

³⁰ Фуко 2000: 192.

Со времен Галилео Галилея, утверждает Фуко, на смену конечному пространству локализации приходит бесконечное *пространство расширения*. Соотношение местоположений такого пространства он предлагает описывать через такие понятия, как серии, деревья и сетки.

NB! Отметим, что в результате подобной маркировки возникает ряд проблем: автомобильная дорога имеет свои съезды и выезды, формируя новые уникальные *местоположения*, а воинская часть, обладающая только номером, принадлежит определенной серии, относительно которой должна постоянно воспроизводить тип *местоположения*.

Однако произведенная Галилеем десакрализация пространства не является окончательной. Пространство расширения неоднородно, в нем сохраняется различие «между пространством частным и пространством публичным, между пространством семьи и пространством социальным, между пространством культуры и пространством полезным, между пространством досуга и пространством труда»³¹. Отсылая к Гастону Башляру³² и феноменологам, Фуко выделяет внутреннее и внешнее местоположение, местоположение фантазии и местоположение, в котором мы живем. Местоположение нашей жизни организовано не как пустота, но как набор отношений, разграничивающих местоположения. Тем самым Фуко подводит читателя к понятию власти как учреждающего принципа внешнего пространства.

³¹ Там же: 194.

³² По видимому, Фуко имел в виду работу Башляра «Поэтика пространства» (Bachelard 1958; русский перевод см. Башляр 2014).

Теория власти Фуко уязвима с той точки зрения, что если все есть власть, то власть как аналитическая категория утрачивает какой-либо смысл. Попытка редуцировать логику местоположения к логике власти ведет к тому, что местоположение теряет свою пространственную самобытность, становится лишь объектом «властного империализма», выхолащивающего логику пространственной организации. В этом плане неудивительно, что тройственная космологическая модель упрощается у Фуко до бинарной схемы «внутреннее—внешнее», которую с помощью постструктуралистского метода достаточно просто низвести до абстрактной властной связи между внутренним содержанием и внешним проявлением. Так Фуко приходит к выделению особых местоположений, при рассмотрении которых наиболее ярко проявляется то, что можно назвать фукольдианской властной логикой. Эти «местоположения, являющиеся как бы пространствами, находящимися в связи со всеми остальными и, однако же, противоречащими всем остальным местоположениям, делятся на два основных типа»³³: местоположения без реального пространства, утопии, и перевернутые местоположения, гетеротопии. Для иллюстрации своих рассуждений Фуко обращается к примеру зеркала: зеркальное отражение является утопией, ибо по ту сторону зеркала на самом деле ничего нет, в то время как само зеркало представляет собой гетеротопию, поскольку это физический объект, способный отображать вещи.

³³ Фуко 2000: 195.

Рассмотрение гетеротопий позволит нам охарактеризовать пространства Нового времени. Для этого обратимся к выделенным самим Фуко принципам гетеротопии. Их насчитывается шесть.

Первый принцип — всеобщность, несмотря на различие форм. В случае традиционного общества это *гетеротопия кризиса*, призванная локализовать некоторые виды субъективности, такие как старость или половое созревание, «где-нибудь еще». В современных обществах гетеротопию кризиса заменяет *гетеротопия отклонения* — места скопления субъектов, чьи наблюдаемые показатели отклоняются от необходимых значений. Это санатории, психиатрические больницы и тюрьмы — излюбленные темы спекуляций Фуко.

Второй принцип — функциональность. Каждая гетеротопия обладает своей функцией, характер которой определяется культурой

общества. В качестве примера Фуко приводит кладбище. Кладбище как гетеротопия всегда присутствовало в западной цивилизации. Долгое время кладбища размещались в центре города, однако в XIX в., когда смерть стала ассоциироваться с болезнью, то есть с угрозой, которую требовалось изолировать, их начали переносить на городские окраины. Оставшиеся в центре захоронения изменили свою функцию, став объектом «светского» поклонения (как, например, могила Исаака Ньютона, чье имя ассоциируется с наукой).

Третий принцип — сопоставимость несовместимых мест. В этом случае речь может идти о театре, в котором разные серии событий оказываются представлены на одной и той же сцене. Иллюстрацией этого принципа является восточный сад как попытка воспроизвести структуру мироздания в рамках ограниченного пространства.

Четвертый принцип — темпоральность, организация особого времени. Гетеротопия требует разрыва с обычным временем и создания того, что Фуко называет *гетерохронией*. Так, музей и библиотека функционируют в режиме вечного накопления времени. Вместе с тем существуют гетеротопии, отражающие «фестивальный», то есть наиболее текущий, аспект времени. К гетеротопиям этого типа, помимо собственно фестивалей и ярмарок, относятся, в частности, туристические деревни Полинезии, предлагающие жизнь «дикаря» сроком на три недели.

Пятый принцип — модальность, наличие контуров открытия и закрытия. По общему правилу гетеротопия не является публичным местом, в нее нет свободного доступа. Даже если доступ кажется свободным, это не значит, что мы попадаем, куда хотели: «мы полагаем, что проникаем туда, но самим фактом входа оказываемся исключенными оттуда»³⁴. Наряду с приводимыми Фуко экзотическими примерами, в качестве иллюстрации «включенного исключения» может, как ни странно, служить анонимность в интернете, которая позволяет быть в какой-то точке мира и одновременно присутствовать в различных местах, оставаясь при этом полностью скрытым.

Наконец, шестой принцип — замещаемость, функция отношения к остальному пространству. Двумя крайними случаями воплощения этого принципа выступают бордель (*гетеротопия иллюзии*) и колония (*гетеротопия замещения*) — идеально-типические «другие места».

Зафиксированная Фуко с помощью метафоры зеркала связь между утопией и гетеротопией наводит на мысль, что данные принципы характеризуют не только гетеротопию, но и утопию. Если, как считает Фуко, гетеротопия и утопия суть единственные типы *особых* пространств, то связь между ними — это связь между зеркалом и отражением в нем. Впрочем, такое представление если и верно, то лишь до определенной степени.

Сопоставление утопии и гетеротопии позволяет прояснить, как устроена пространственная организация обществ контроля и множественного представительства. Обществам контроля свойственна логика расчета и кодировки пространства. Идеал «индивидуальной

³⁴ Там же: 202.

состязательности» оказывается утопией, тем самым отражением в зеркале. Это отражение и выступает в качестве некоего центра, поскольку позволяет кодировать различие «отражение / не отражение».

Напротив, множественное представительство стремится уйти от подобного диктата отражения как центра. В противовес идеалу кодирования и упорядочивания оно движется по кругу, пытаясь игнорировать центр. Попробуем концептуализировать такое движение в терминах Фуко.

**Гетеротопия
как пространство
множественного
представительства**

Описанную Фуко сопряженность утопии и гетеротопии можно определить как *утопическую гетеротопию*. Очевидно, что принципы гетеротопий Фуко являются принципами именно утопических гетеротопий. По нашему мнению, рассуждения Фуко об их пространственной организации можно обобщить двояким образом. Первое — наличие границ, позволяющих отличить одну гетеротопию (но не утопию!) от другой (подобно тому как одно зеркало отличимо от другого, но отражения в них могут быть одинаковыми). Второе и главное — наличие отражения как центра, играющего двоякую роль. Во-первых, он поддерживает внутреннюю структуру утопии, а во-вторых, позволяет описать то, что находится *за пределами* самой утопии.

Можно констатировать, что утопическая гетеротопия адекватна при создании и поддержании ограниченных по размеру пространств. Но выявленные нами качества космополиса требуют чего-то иного, ибо весь город является пространством общения.

Это означает, что сакральным статусом должно обладать все пространство космополиса, а не отдельные его участки. Подобный поворот невозможен без существенного изменения принципов функционирования города. Если раньше сакральные места могли функционировать отдельно друг от друга, то здесь речь идет о необходимости их спайки в единое целое. В том же направлении меняется сама форма политического представительства. На смену дисциплинарным обществам приходят общества контроля, для которых характерна непрерывность во взаимоотношениях с субъектом. В этом смысле контролю подлежат параметры самоорганизации, а не поведение конкретных субъектов. Эта непрерывность требует от последних способности к самоорганизации, что предполагает включение самоорганизации в логику контроля, а не сопротивление ему.

Особого внимания заслуживает проблема серийного производства гетеротопий, их массовизации. Ведь любая серия, сколь бы совершенной ни была технология, допускает отклонения от идеала. Жак Бодрийяр выделяет три типа копий, возникающих в результате серийности: собственно копии, функциональные аналоги и симулякры³⁵, то есть копии, не имеющие оригинала в реальности. Возвращаясь к метафоре Фуко, симулякр можно определить как то, что отражает зеркало, напротив которого стоит другое зеркало. Понятие симулякра довольно

³⁵ Бодрийяр 2015: 111.

точно описывает статус самоорганизующегося множества в обществах контроля.

Вместе с тем Бодрийяр игнорирует другой — количественный — аспект серийного производства. Что произойдет с серией, если объединить ее в единый суперобъект? Что если не ставить зеркала друг напротив друга, а попытаться «склеить» их в одно большое зеркало? Как будет устроен технологический шов между ними? На наш взгляд, именно такой шов в силу своей антицентральнойности является местоположением множественного представительства.

Предложенная Фуко модель утопических гетеротопий не вполне соответствует ситуации современного города. Мы наблюдаем пространства, *имитирующие* реальность. Это пространства, которые порождаются потребностями техники. Развивая метафору Фуко, такие пространства правомерно обозначить как точки спайки или зазоры между мелкими зеркалами, образующими одно большое зеркало, которые доказывают иллюзорность создаваемого зеркалом изображения. Фуко оставляет за скобками вопрос о том, как пространство сводится в единое целое и продуцируется иллюзия непрерывности. Между тем изменение *количественных параметров* места неизбежно ведет к изменению его *качества*. С сельской дороги можно съехать в любом месте, с автобана — только там, где имеются специально выстроенные съезды. Логика глобального города приводит к возникновению неосвоенных мест, пространственных пустот, смысл которых состоит в их бессмысленности и видимой неосвоенности. По контрасту с утопическими гетеротопиями подобные местоположения можно назвать антиутопическими гетеротопиями. Эти местоположения не в состоянии учитывать индивидуальные желания, а значит, не учитывают индивидуальные способности.

* * *

Таким образом, утопия противостоит не гетеротопии, но антиутопии. *Антиутопия — это способность сфокусироваться на невозможности воплощения иллюзии*. Но аналитическая оптика гетеротопии, введенная Фуко, применима и к антиутопии. Находя пространственное выражение в антиутопических гетеротопиях, различные формы депривации (нехватки) в структуре политической субъективности позволяют увидеть пространственные зазоры внутри кажущихся тотальными и сплошными механизмов обществ контроля, что, в свою очередь, открывает возможность артикуляции преобразовательного потенциала множества (которое может быть рассмотрено как *коллективный субъект*, отражающий новую субъективность, выявленную Делёзом), конституируемого через эти пространства. Это означает, что для осмысления индивидуальных способностей нужны политические организации, оформленные через множественное представительство.

Гетеротопия как пространство множественного представительства позволяет выявить участки разрыва в систематическом контроле, направленном на поддержание утопий. Эти участки отражают потенциальную возможность формирования *нового типа политической субъективности в виде множественного представительства* как формы организации *представителей, а не представляемых*.

Проблема множественного представительства состоит в противоречии между *структурой* представляемых и *творческой самоорганизацией* представителей. Это противоречие снимается путем выхода за пределы утопических гетеротопий как местоположения иллюзий благодаря рассмотрению множества в качестве формы пространственной организации политического представительства, а не самого общества.

Наличие представительства обеспечивает формальное равенство прав представителей, а множественная форма организации представителей нейтрализует различия в их способностях. *Способности уравниваются, когда становится очевидна невозможность воплощения тех или иных иллюзий*.

В этом смысле все представители оказываются равными по способностям, сохраняя формальное правовое равенство. Антиутопические гетеротопии обнажают невозможность воплощения иллюзий, превращая демократическое представительство в множественное представительство. Другими словами, *множество противоречит не политическому представительству, но обществу*.

Библиография

- Бахтин** М. 1929. *Проблемы творчества Достоевского*. — Л.
- Башляр** Г. 2014. *Поэтика пространства*. — М.
- Бодрийяр** Ж. 2015. *Символический обмен и смерть*. — М.
- Вирно** П. 2013. *Грамматика множества: К анализу форм современной жизни*. — М.
- Делез** Ж. 2004. Post scriptum к обществам контроля // Делез Ж. *Переговоры*. — СПб.
- Деррида** Ж. 2004. *О грамматологии*. — М.
- Дьяков** А. 2010. *Жак Лакан: Фигура философа*. — М.
- Жижек** С. 2014. *Шекотливый субъект: Отсутствующий центр политической онтологии*. — М.
- Кимлика** У. 2010. *Современная политическая философия: Введение*. — М.
- Макинтайр** А. 2000. *После добродетели: Исследования теории морали*. — М.
- Манов** Ф. 2000. *В тени королей: Политическая анатомия демократического представительства*. — М.
- Сассен** С. 2005. Глобальные города: постиндустриальные производственные площадки // *Прогнозис*. № 4.
- Сен** А. 2004. *Развитие как свобода*. — М.

- Сойя** Э. 2003. Постметрополис: Критические исследования городов и регионов // *Логос*. № 6.
- Тэйлор** Ч. 2013. Что не так с негативной свободой? // *Логос*. № 2.
- Фуко** М. 2000. О других пространствах // Фуко М. *Интеллектуалы и власть. Ч. 3: Статьи и интервью 1970—1984*. — М.
- Фуко** М. 2011. *Безопасность, территория, население: Курс лекций*. — СПб.
- Фуко** М. 2015. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы*. — М.
- Appiah** K.A. 2006. *Cosmopolitanism: Ethics in a World of Strangers (Issues in Our Time)*. — N.Y.
- Appiah** K.A. 2008. *The Politics of Culture, the Politics of Identity*. — Toronto.
- Benhabib** S. 2004. *The Rights of Others: Aliens, Residents, and Citizens*. — N.Y.
- Bachelard** G. 1958. *La poétique de l'espace*. — P.
- Derrida** J. 1997. *Adieu à Emmanuel Lévinas*. — P.
- Evans** D. 1996. *An Introductory Dictionary of Lacanian Psychoanalysis*. — N.Y.
- Nussbaum** M. 2003. Capabilities as Fundamental Entitlements: Sen and Social Justice // *Feminist Economics*. Vol. 9. № 2—3.
- Sen** A. 1985. *Commodities and Capabilities*. — N.Y.
- Virilio** P. 1986. *Speed and Politics: An Essay on Dromology*. — N.Y.

References

- Appiah** K.A. 2006. *Cosmopolitanism: Ethics in a World of Strangers (Issues in Our Time)*. — N.Y.
- Appiah** K.A. 2008. *The Politics of Culture, the Politics of Identity*. — Toronto.
- Bachelard** G. 1958. *La poétique de l'espace*. — P.
- Bachelard** G. 2014. *Poetika prostranstva*. — М.
- Bakhtin** M. 1929. *Problemy tvorchestva Dostoevskogo*. — L.
- Baudrillard** J. 2015. *Simvolicheskij obmen i smert'*. — М.
- Benhabib** S. 2004. *The Rights of Others: Aliens, Residents, and Citizens*. — N.Y.
- Deleuze** G. 2004. Post scriptum k obshhestvam kontrolja // Deleuze G. *Peregovory*. — SPb.
- Derrida** J. 1997. *Adieu à Emmanuel Lévinas*. — P.
- Derrida** J. 2004. *O grammatologii*. — М.
- D'jakov** A. 2010. *Jacques Lacan: Figura filozofa*. — М.
- Evans** D. 1996. *An Introductory Dictionary of Lacanian Psychoanalysis*. — N.Y.
- Foucault** M. 2000. О других пространствах // Foucault M. *Интеллектуалы и власть. Ч. 3: Статьи и интервью 1970—1984*. — М.
- Foucault** M. 2011. *Безопасность, территория, население: Курс лекций*. — СПб.
- Foucault** M. 2015. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы*. — М.

- Kymlicka W.** 2010. *Sovremennaja politicheskaja filosofija: Vvedenie.* — M.
- MacIntyre A.** 2000. *Posle dobrodeteli: Issledovanija teorii morali.* — M.
- Manov F.** 2000. *V teni korolej: Politicheskaja anatomija demokratičeskogo predstavitel'stva.* — M.
- Nussbaum M.** 2003. Capabilities as Fundamental Entitlements: Sen and Social Justice // *Feminist Economics*. Vol. 9. № 2—3.
- Sassen S.** 2005. Global'nye goroda: postindustrial'nye proizvodstvennye ploshhadki // *Prognozis*. № 4.
- Sen A.** 1985. *Commodities and Capabilities.* — N.Y.
- Sen A.** 2004. *Razvitie kak svoboda.* — M.
- Soja E.** 2003. Postmetropolis: Kriticheskie issledovanija gorodov i regionov // *Logos*. № 6.
- Taylor Ch.** 2013. Chto ne tak s negativnoj svobodoj? // *Logos*. № 2.
- Virilio P.** 1986. *Speed and Politics: An Essay on Dromology.* — N.Y.
- Virno P.** 2013. *Grammatika mnozhestva: K analizu form sovremennoj zhizni.* — M.
- Žižek S.** 2014. *Shhekotlivyj subjekt: Otsutstvujushij centr politicheskij ontologii.* — M.